

И.В. Баканова

«ХОЖЕНИЯ» ПАВЛА ЛУКНИЦКОГО: ЖАНР И СУДЬБА

Статья посвящена творческой биографии П.Н. Лукницкого (1900–1973) – поэта и писателя, путешественника, биографа Николая Гумилева, участника Великой Отечественной войны, пережившего Ленинградскую блокаду. Определив жанр большинства произведений Лукницкого как традиционные «хождения», автор статьи подробно рассказывает о жизни писателя и о собранных им ценных материалах по истории русской культуры (начиная с Серебряного века и вплоть до послевоенной эпохи СССР).

Ключевые слова: жанр «хожений», писательские путешествия, свидетельство эпохи, военные дневники, архив П.Н. Лукницкого, Ахматова, Гумилев, Серебряный век, ленинградская блокада.

Жанр «хождений», а вернее «хожений», как было принято говорить и писать изначально, имеет в русской литературе особенное значение. Этот синтетический жанр может явить читателю непосредственные впечатления путешественника (в виде незамысловатого дневника-путеводителя или дневника с комментариями, философскими размышления по любому поводу). И этот же жанр может быть исповедью и покаянием, политическим памфлетом и концептуальной картинкой своей эпохи (иногда представленной в диалогах).

От самых первых известных в Древней Руси паломнических «хожений» игумена Даниила в Святую землю до писательских путешествий наших дней – за несколько веков – накопился внушительный свод литературных памятников, который давно стал предметом анализа исследователей. Вспомним некоторые знаменитые примеры: «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина,

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат “Паллада”» Гончарова, «Москва–Петушки» Венички Ерофеева, «Записки русского путешественника» Евгения Гришковца. Этот перечень призван обозначить пути трансформации и жанра «хождений», и самого автора-путешественника – участника или свидетеля событий.

Художественный результат «хожений» Павла Николаевича Лукницкого (12.10.1900 – 22.06.1973) складывается из сочинений разных жанров. Однако в каждом из них документальность возводится в творческий принцип, во главу угла ставится личное свидетельство, художественный образ вырастает из точного знания природы края, где происходит каждое событие. Кроме того, П.Н. Лукницкий – писатель и путешественник особого рода: отечественная словесность отнюдь не изобилует примерами, когда писатель является действительным членом Русского географического общества, известен своими исследованиями и открытиями на Памире, в Мончегундре, в Сибири. В самой первой книжке прозы писатель предлагает такую классификацию сочинений путешественников:

У всякого путешествия три лица. Первое – это представление путешественника, еще не тронувшегося в путь. Второе – воспоминанья его по возвращении домой. Оба эти лица странны, экзотичны и пафосны. Третье лицо – это момент свершения, это настоящее время, это то, что совершается в пути, в каждую данную минуту, это неповторимый ритм каждого переживаемого мгновения. Только это, третье лицо путешествия, простое, будничное, – настоящее, как сама жизнь, как радость существования¹.

Для самого Лукницкого в центре внимания всегда был характер самой жизни, энергия тех преобразований, в которых он стремился лично участвовать – и запечатлеть в своем литературном творчестве.

Симптоматично, что даже при разговоре о построении своей книги писатель использует терминологию путешествия (в данном случае – морского). Например: «...Пришлось бы так перегрузить эту главу, что композиция моей книги несомненно опрокинулась бы **вверх килем**» (здесь и далее выделено мною. – *И. Б.*)². А вот – первые строчки стихотворения Лукницкого «Испытание»:

Породы Памира с породой поэтов
Еще не роднились. Но я не о том!..
Замысловатей любого **сюжета**
Был **путь** мой **развернут** кашгарским **конем**.

Этот мотив явно перекликается с позицией Лукницкого-путешественника, выраженной в прозаической форме:

Дело, на которое я иду, интересней моих стихов, и потому стихи сейчас надо забыть. И я их крепко забыл, забыл на полгода, и когда они, как нищие, являлись мне в путешествии, я гнал их от себя безжалостно и сурово³.

Мы видим, что литературный сюжет, отступающий перед сюжетом жизни, сравнивается писателем с путем-дорогой...

П.Н. Лукницкий – автор более 50 книг. Он начинал как поэт, и сборники его стихов «Волчец» и «Переход» стали библиографической редкостью. С начала организации первых творческих союзов Лукницкий становится их членом: 17 декабря 1924 г. – членом Всероссийского союза поэтов, в 1925 г. – Всероссийского союза писателей, а с 10 июня 1934 г. – членом Союза писателей СССР (выданный ему в этот день билет был подписан Максимом Горьким). Мировую известность Лукницкому принес роман «Ниссо», переведенный на 34 языка.

И все же определяющими в творчестве писателя становятся хроника, дневники, документальная эпопея. По свидетельству В.К. Лукницкой (вдовы писателя, его публикатора и биографа)⁴, все начиналось с дневников, которые Павел Николаевич вел с 11 лет, так что ко времени написания дипломного сочинения в Петроградском университете Лукницкий уже имел детско-юношеский «летописный» опыт. Свое первое исследование (1923 г.) он посвящает любимому поэту – Николаю Гумилеву, расстрелянному в 1921 г. В первое десятилетие советская власть еще допускала подобные послабления: в 1922 г. была опубликована статья о Гумилеве Ю. Айхенвальда⁵, в 1925-м – Ю. Верховского⁶, и даже в 1927 г. имя Гумилева было упомянуто в легальной печати В. Ермаиловым⁷. Но тогда же, в 1927 г., Лукницкого арестовали, припомнив ему и работу о Гумилеве, и дворянское происхождение, и учебу в Пажеском, а потом Кадетском корпусах. Но – редкий случай – обвинение ему так и не было предъявлено, и Павел Николаевич вскоре оказался на свободе: видно, репрессивная машина тогда еще не набрала обороты.

Однако мы забежали вперед. Еще 8 декабря 1924 г., собирая материал о Гумилеве, Лукницкий пришел знакомиться с Анной Андреевной Ахматовой⁸. С этого момента он становится биографом не только Гумилева, но и Ахматовой, назвав эту часть своего архива «Acumiana» (по домашнему имени Акума, придуманному Пуниным). Первая жена и главная любовь Гумилева поначалу была интересна Лукницкому в основном как источник информации о расстрелянном поэте. Но очень скоро Анна Ахматова станет верным помощником, музой, а потом возлюбленной Лукницкого (об этом

известно из последней книги В.К. Лукницкой⁹). Их близкие отношения продлятся несколько лет, но помнить друг о друге они будут каждый до своего смертного часа. Этому есть документальные свидетельства, которые я уже приводила ранее¹⁰.

Работа над биографией любимого поэта надолго превратилась в цель и смысл жизни П.Н. Лукницкого. Основным источником информации для него были воспоминания Ахматовой, которые он сопоставлял с другими мемуарами, с текстами самого Гумилева – его черновиками, надписями в альбомах. Это было важно для уточнения датировок разных событий в жизни поэта, времени создания его стихотворений. Лукницкий вспоминает:

Стал показывать АА черновики стихотворений, разобранных мной. Никаких поправок не сделала: «Точнее разобрать нельзя», – сказала. Затем диктовала мне биографию Н.С. от 1915 г. до конца. После биографии я стал читать ей выдержки из моего литературного дневника, попросив ее указывать, какие сведения о Н.С. правильны, какие нет...¹¹

Кроме А.А. Ахматовой, Павел Николаевич встречался с О.Э. Мандельштамом, К.И. Чуковским, М.Л. Лозинским, В.К. Шилейко, Вс.А. Рождественским, Н.С. Тихоновым, А.И. Ходасевич, Ал.Н. Толстым, М.А. Кузминым, Срезневскими... Это только часть петроградского списка, составленного Ахматовой для Лукницкого. А в московском списке один из главных адресатов – Л.В. Горнунг. Анна Ахматова настоятельно просит его помочь Лукницкому, и Горнунг отвечает, что собирание материалов о Николае Степановиче – для него дело жизни, и он будет счастлив работать с любым, на кого укажет Анна Андреевна. Другие примеры: жена писателя С.А. Колбасьева через Тихонова передает Лукницкому рассказ Гумилева «Черный генерал»; Ахматова обращается к вдове Брюсова с просьбой разрешить скопировать письма Гумилева к Брюсову и т. д.

Копирует Лукницкий довольно много материалов. Например, Кузьмины-Караваевы (родственники Гумилева) предоставляют ему для копирования свои альбомы с неопубликованными стихами Гумилева, Ахматовой, других поэтов. Художественные способности Лукницкого позволяют ему практически точно воспроизводить любой почерк и рисунок: когда ему не удастся приобрести оригиналы рисунков Гумилева, он копирует их – с сохранением цвета, техники и других параметров.

А с оригиналами соглашаются расстаться далеко не все. В эту эпоху собирание автографов становится популярным: известными их коллекционерами были К.И. Чуковский, Артур Лурье, Мария Шкапская и другие. Константин Вагинов в своих эксперименталь-

ных романах представил литературное сообщество Петрограда в пародийном ключе: одному из героев он приписал страсть к собирательству конфетных этикеток и папиросных коробок (добавив еще и увлечение порнографическими открытками и надписями в общественных туалетах). В другом герое романа Вагинова – собирателе сведений о недавно скончавшемся поэте Заэфратском – современники узнали П.Н. Лукницкого («Козлиная песнь», 1927). Однако эта насмешка по адресу Лукницкого сыграла положительную роль в жизни скромного молодого человека: он невольно приобрел популярность, и перед ним открылись многие двери. К тому же сама Ахматова не скрывала интереса и уважительного отношения к работе Лукницкого, иногда отношения ревнивого:

Конечно, иногда Вам придется говорить и не только об Н.С. – просто для освещения эпохи... Но не будьте нашим общим биографом!.. Конечно, попутно у Вас могут быть всякие статьи... Но это – другое дело¹².

В дневниках Лукницкого можно найти много примеров того, как Анна Андреевна корректировала списки его собеседников. Так, есть запись ее разговора с М.Л. Лозинским (с мнением которого Ахматова весьма считалась):

Таким образом, я отвожу Нарбута и Ларису Рейснер. Вы согласны со мной? М.Л.: «Нарбут? Нет, отчего? Я от Мандельштама слышал о нем, и то, что слышал – почтенно. Это очень странный человек – без руки, без ноги, но это искренний человек. А вот Лариса Рейснер – завиральный человек. Это Ноздрев в юбке...¹³

У Кузьминых-Караваевых Лукницкий встречается с А.С. Сверчковой, родной сестрой Гумилева. Ахматова подробно инструктирует Лукницкого, как построить разговор с нею. Довольно быстро Лукницкий знакомится со второй женой Гумилева (А.Н. Энгельгардт-Гумилевой), а также с матерью Гумилева Анной Ивановной, с его сыном Левушкой; последний много лет спустя с благодарностью вспомнит о том, какое участие в его детской жизни принял Лукницкий. Но еще до встречи с матерью Николая Гумилева Лукницкий пошлет ей в письме анкету с вопросами о поэте, составив такие же анкеты и для других своих информаторов, в частности для М. Кузмина.

Итогом «хожений» Лукницкого по Петрограду (к А.А. Ахматовой и к рекомендованным ею знакомцам) стал уникальный архив и два тома под названием «Труды и дни Н. Гумилева». По сути дела, эта монография – не только биография поэта, но и своеобразный путеводитель по Серебряному веку русской культуры, заверченный в 1929 г. Работа Лукницкого, не опубликованная в Советском

Союзе (так как имя репрессированного поэта находилось под запретом до эпохи перестройки), была известна и активно использовалась на Западе. Один переплетенный машинописный экземпляр «Трудов и дней» был передан Лукницким А.А. Ахматовой и через нее стал известен за границей, – однако, как правило, без ссылок на автора.

Официально на Лукницкого стали ссылаться после издания вашингтонского четырехтомного собрания сочинений Н.С. Гумилева (1962–1968), а потом и парижской публикации «Неизданные стихи и письма» (1980). В СССР стихотворения и поэмы Гумилева впервые увидели свет в Ленинграде в 1988 г., а в тбилиском издании 1989 г. были опубликованы гумилевские биографические материалы из собрания Лукницкого. Но только в 1990 г. в Ленинграде была напечатана уже упомянутая книга – «Н. Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких».

К 100-летию Гумилева в Париже появилась еще одна книга – «Николай Гумилев. Неизданное и несобранное» (составление, редакция и комментарии М. Баскер и Ш. Греем. Paris: YMCA-PRESS, 1986. 297 с.). Издание было посвящено памяти Глеба Петровича Струве (под редакцией которого и вышел вашингтонский четырехтомник), но стоит обратить внимание на некоторые его особенности, важные для нашей темы. Во-первых, портрет в книге – не Гумилева (!), хотя он подписан – «Н.С. Гумилев, ок. 1920, из собрания Гордона Мак-Вэя». Это сразу же обнаружила В.К. Лукницкая, написавшая в своем экземпляре (дважды, карандашом и ручкой): «Это не Гумилев!». Позже она же приписала сверху черной ручкой: «Садовский». Биографический очерк Н.С. Гумилева в этом издании (с. 153–156) следует тексту: «ГБЛ, ф. 218, собр. Отдела рукописей, к. 1072, ед. хр. 1, машинопись. 20 июля 1926 г. П. Лукницкий (его личная подпись)». Далее составители отмечают: «Биографический очерк о Гумилеве в кн.: Писатели современной эпохи, т. 1, под ред. Б.П. Козьмина, М., 1928, с. 109–111, во многом походит на очерк Лукницкого и, наверное, написан им же». Это лишний раз подтверждает факт анонимного использования работы Лукницкого, который был первым биографом Н.С. Гумилева.

В 1991 г. в Париже в издательстве YMCA-PRESS был выпущен двухтомник «П.Н. Лукницкий. Asutiana. Встречи с Анной Ахматовой». В своем предисловии к этому изданию Н. Струве отмечает, что Лукницкий вел свою летописную работу фотографически-скрупулезно, фиксируя и важные, и, казалось бы, незначительные события (что стало большой удачей для исследователей творчества Гумилева и Ахматовой).

Известный ученый и общественный деятель Д.С. Лихачев связывает особенности работы Лукницкого с его личностью:

Сам биограф – писатель Павел Лукницкий своей подвижнической жизнью заслужил искреннее уважение и современников, и сегодняшнего поколения. Я считаю за честь, что учился с Павлом Николаевичем на одном факультете Петроградского университета. Черты его натуры: аккуратность, точность, добросовестность, чутье истинных духовных ценностей, его органическая потребность фиксировать в своих дневниках все, что он видит, знает и чем живет, – известны не только в литературной среде¹⁴.

Лихачев в числе первых отметил усилия Лукницкого по реабилитации Н.С. Гумилева. Обращение П.Н. Лукницкого в Генеральную прокуратуру СССР в 1968 г., его «хождения» по другим официальным инстанциям было логическим продолжением работы исследователя-летописца. О завершении этого дела рассказал в своей книге сын П.Н. Лукницкого писатель и юрист С.П. Лукницкий (1954–2008)¹⁵.

Сегодня Н.С. Гумилев издается и переиздается в разных поэтических сериях, с комментариями и без них. Наконец его стихи были включены в «Круг чтения» школьников, причем это учебное издание было подготовлено поэтом, переводчиком, литературоведом Л.О. Озеровым, который в своей вступительной статье писал:

Иногда вижу жизнь моих друзей и свою от ранних юношеских лет до нынешнего дня как хронику медленной, изнурительной, изощренной в своем коварстве, жесткой и жестокой эпохи, в которую шла борьба за Гумилева и за других незаслуженно подвергнутых остракизму поэтов. <...> Первым по праву надо назвать писателя П.Н. Лукницкого. После гибели поэта Павел Николаевич начал собирать архив и писать его биографию. Эти высокой ценности труды только сейчас получают огласку. Их ценность возрастает еще и в силу того, что собеседницей и советчицей Лукницкого в его засекреченном в ту пору труде была Анна Ахматова¹⁶.

В наше время практически каждое исследование, посвященное Н. Гумилеву или А. Ахматовой, не обходятся без ссылок на «Труды и дни» Лукницкого, который еще в возрасте 30 лет предвидел значение собранных им материалов:

Уезжая на Памир, я пишу это потому, что на Памире могут быть всякие случайности, и человек, вступающий в такое серьезное путешествие, не может быть уверенным, что вернется живым и здоровым... Апрель 1930 года, Ленинград¹⁷.

Лукницкий оказался провидцем: участники первой памирской экспедиции попали в плен к басмачам, сам писатель бежал, чудом

спасся и рассказал о своих приключениях в книжке, написанной по горячим следам¹⁸.

Я уже писала о своем ощущении сходства биографий Н. Гумилева и П. Лукницкого, который как будто «редактирует» свою жизнь под образец, заданный его любимым поэтом¹⁹. Даты-перевертыши – тоже особый знак связи их судеб: Гумилев в **1913** г. в качестве начальника экспедиции Академии наук уезжает на полгода в Африку (это вторая его поездка); Лукницкий в **1931** г. в должности заместителя начальника экспедиции едет в Среднюю Азию – и это тоже вторая его экспедиция. Гумилев идет добровольцем на войну **1914** г.; Лукницкий тоже стал добровольцем в первый же день войны **1941** г. И того и другого дальние путешествия (с их трудными переходами и опасностями) приближали к главному – познанию самого себя. В книге «У подножия смерти» Лукницкий пишет:

Откровенно говоря, я втайне всегда хотел встретить ее лицом к лицу на своем пути. Не потому, что я люблю ее. Нет. Для другого. Для того, чтоб узнать и проверить себя. Знание мое о себе было бы неполным без этой встречи. Что чувствовал бы я? Как бы я вел себя? Кто, не солгав, может предсказать себе свое поведение в те, всегда неожиданные минуты, которыми кончается все? Она – опасность – непосредственная и смертельная... Я рад, что проверил себя. Все было ясно и просто. Очень ясно и очень просто. Так просто, что об этом нельзя рассказать²⁰.

И Лукницкий рассказывает об этих своих приключениях почти буднично (чтобы не выглядеть героем), хотя вся остальная его проза 1930–1940 гг. полна романтической риторики.

Трудно представить, как сложилась бы жизнь Гумилева в Советской России, если бы он не был казнен так рано. Вряд ли Гумилев, с его убежденностью в том, что государствами должны управлять поэты, мог бы выжить в суровые тридцатые годы. В отличие от него (и от значительной части русской интеллигенции), Лукницкий с чистым сердцем принял идею революционного переустройства мира. Уже в зрелые годы он свидетельствовал о настроении своей семьи:

«Николашку сбросили, теперь Россией будет править народ, вот и трудись ему на славу!» – сказал мне отец, военный инженер, строитель крепостей и мостов, будущий строитель Волховстроя и Свирьстроя. И стал я в том, 1917 году работать грузчиком в революционном Петрограде на Охтенском пороховом заводе. В следующие четыре года работал на строительствах военно-оперативных железных дорог Красной Армии, был кочегаром паровоза и старшим рабочим, и десятником. Там, в лесах

Весъегонска, Овинищей, Суды, в заволжских новоузенских степях, на ташкентских стройках, начал писать стихи...²¹

Тема университетского диплома определила структуру «хожений» Лукницкого, причем он вполне мог бы подписаться под словами Гумилева (в его письме к В.Е. Арнс от 1 июля 1908 г.): «Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекаются самые дивные статуи?»²² Это гумилевское отношение к биографии как к продолжению творчества (и к творчеству как продолжению биографии) Вяч.Вс. Иванов обнаружил также у В. Маяковского и С. Есенина²³.

П. Лукницкий, «открывая новые земли» на Памире, дает им имена, дорогие его сердцу: горный массив Шатер (по названию книги Гумилева), гора Ак-Мо (в честь Ахматовой), пик Маяковского (более 6000 м). Советские альпинисты назвали в честь Лукницкого (уже после его смерти) вновь открытую памирскую вершину (5886 м), и она сохранила свое имя даже после распада Советского Союза.

В своих экспедициях Лукницкий изучал не только новые территории, но и живущие там народы, с их историей и обычаями. Писатель признается: «Литературный материал я собирал только попутно с моей основной, научной и административной работой, но этот собранный мною материал громаден»²⁴. Этот материал представлен во многих книгах Лукницкого: «У подножия смерти», «Всадники и пешеходы», «Безумец Марод Али», «Мойра», «Земля молодости», «Ниссо», «Путешествия по Памиру», «Таджикистан», стихи и пьесы.

Творческая рефлексия русских писателей на «восточную» тему исторически связана с осознанием проблемы приятия культуры «другого», необходимости диалога Восток–Запад. Как мы видели, творческая индивидуальность Павла Лукницкого развивалась под сильным влиянием художественной практики Н.С. Гумилева, египетские мотивы которого особым образом трансформировались в произведениях его биографа, посвященных таджикскому Памиру.

В самых отдаленных горных кишлаках местное население оценило деликатность Лукницкого, его необычайную открытость, дружелюбие и любознательность. Для таджиков он стал не сторонним наблюдателем, а своим человеком, к которому во время войны они обратились с просьбой – рассказать в печати о том, как сражаются за Ленинград бойцы-таджики. Так возник очерк Лукницкого «На Невском пятачке»: рассказ о том, как два таджика (Тэшабой

и Абдували) – вдвоем! – в течение ночи удерживали небольшой клочок отвоеванной у врагов земли, даже после того как погибли все их товарищи...

Этот эпизод – из «хожений» особого рода: для военного корреспондента Павла Лукницкого они начались 22 июня 1941 г., протянулись через 900 дней блокадного Ленинграда – до Праги 1945-го.

11–28 мая 2005 г. в Музейном центре РГГУ прошла выставка (куратором которой была я. – *И. Б.*) на тему «Военные дневники писателя Павла Лукницкого: фотографии и фронтовые корреспонденции из семейного архива». Экспозиция – визуальное свидетельство его военных «хожений» – представляла несколько десятков уникальных фотографий, рукописные и машинописные оригиналы фронтовых дневников, письма, газеты военных лет с репортажами, статьями, очерками военкора ТАСС Павла Лукницкого, его личные вещи. Выставочные материалы – из легендарного архива Лукницкого²⁵, в составе которого около 10 тыс. писем, более 90 тыс. дневниковых страниц и около 100 тыс. фотокадров.

С фотоаппаратом (который Павел Лукницкий получил от отца в 14 лет), как и с записной книжкой, он не расставался всю жизнь. Первые его фотографии – это кадры, посвященные революции и голоду в Петрограде. Война на его снимках – это впечатления непосредственного участника сражений, но еще и документалиста, и художника.

22 июня 1941 г. Павел Лукницкий сообщает в Союз писателей о своем желании быть мобилизованным и немедленно ехать на фронт. А уже 25 июня газета «Правда» опубликовала первую корреспонденцию Лукницкого – «На боевых постах». Направленный в Петрозаводскую газету «Во славу Родины», он присылает в редакцию столько военных репортажей, что «иные из них опубликованы под псевдонимами или даже без подписи» (из дневниковой записи Лукницкого от 12 августа 1941 г.). Вскоре Лукницкий был вызван в Политуправление фронта за новым назначением – специальным военным корреспондентом Ленинградского отделения ТАСС. На Ленинградском фронте Лукницкий воевал до конца блокады. После освобождения Ленинградской, Новгородской, Псковской областей с войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов он прошел весь победный путь Советской армии через Польшу, Болгарию, Югославию, Румынию, Австрию, Чехословакию; в Праге для майора Лукницкого война закончилась.

Жители блокадного Ленинграда, горящие дворцы Пушкина, Павловска, Гатчины, уличные бои и партизанский быт, победные шествия и колонны военнопленных – вот лишь некоторые темы

экспозиции. Небольшая по объему, она отличалась особой выразительностью именно благодаря эффекту присутствия военкора Лукницкого в каждом сделанном кадре (при танковом сражении, взрыве самолета и т. д.). Фотографии иллюстрируют дневниковые записи и репортажи, которые, в свою очередь, служат комментариями к снимкам.

В экспозицию Музейного центра РГГУ были включены некоторые экспонаты из Литературно-краеведческого музея г. Кировска Ленинградской области, так как Павел Лукницкий участвовал в кровопролитных боях на Невском пятачке, где погибли сотни тысяч солдат. Сегодня часть постоянной экспозиции Кировского музея посвящена Лукницкому, который, по свидетельствам очевидцев, был человеком беспримерного мужества. В блокаду он дошел до второй степени истощения, страдал от приступов малярии, но как только смог стоять на ногах, ушел из госпиталя на передовую...

После войны П.Н. Лукницкий возвращается непосредственно к письменному столу, а главным итогом этого его жизненного путешествия становится трехтомная эпопея «Ленинград действует». Она получила высокую оценку и тех, кто был рядом с Лукницким в осажденном городе, и его собратьев по перу. Николай Тихонов утверждал:

Писатели будущих лет, возвращаясь к теме девятистодневной битвы за Ленинград, несомненно, будут обращаться к этой трилогии как к документу большого значения и большой патриотической силы²⁶.

В блокадных дневниках Лукницкого впечатляет спокойное, даже стоическое отношение писателя ко всему, что касается его личных невзгод. Так, мы узнаем, что бомбой разрушена его квартира, но он счастлив, что в целости остался ахматовско-гумилевский архив. Павел Николаевич почти теряет сознание от голода, но убеждает себя, что продержится «запасами» родительской квартиры – обоями, которые он сдирает со стен, чтобы сварить, кожаными обрезками (они пойдут в то же варево), лекарствами матери, умершей за год до начала войны... И все же Лукницкий – не просто солдат, не просто военкор, не просто летописец: он размышляет о том, как советский народ-победитель будет жить после войны, как ему удастся восстановить из руин памятники искусства и культуры. На страницах ленинградской эпопеи Лукницкий вспоминает о своих знаменательных встречах – с Анной Ахматовой (перед ее эвакуацией в Ташкент), с Лозинским, Тихоновым, Брауном...

Вызванный с фронта в Москву для получения очередного назначения, Лукницкий вырывается в Большой зал консерватории,

чтобы услышать Седьмую симфонию Шостаковича. Он делится своими впечатлениями:

...На фронте и в Ленинграде я часто думал о том, как эта война будет претворена когда-нибудь в художественных образах? И спасибо Шостаковичу – я узнал это еще до окончания войны! Свидетелю, очевидцу, современнику кипящей сейчас войны, Седьмая была мне так близка, так понятна! Будто я заскочил на десять лет вперед и погрузился в образы уже легендарного времени!²⁷

В своих литературно-летописных «хождениях» П.Л. Лукницкий «заскочил» вперед не на десять лет, а на гораздо больший срок – в наши дни. Н. Струве упоминает о том, что в 1962 г. в Комарове Анна Ахматова, по ее словам, сама обратилась к Лукницкому «в поисках своего прошлого». Перефразируя ее, можно сказать и так: к творчеству Лукницкого и к его архиву будет обращаться не одно поколение исследователей – в поисках не только прошлого, но и самоидентификации, которая невозможна без знания истории и культуры своего народа.

Примечания

- 1 *Лукницкий П.* У подножия смерти. Л.; М.: Госиздат художественной литературы, 1931. С. 7.
- 2 Там же. С. 12.
- 3 Там же. С. 8.
- 4 *Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. Л., 1988. 342 с.
- 5 *Айхенвальд Ю.И.* Гумилев // Поэты и поэтессы. М., 1922.
- 6 *Верховский Ю.Н.* Путь поэта // Современная литература. М., 1925. Анна Ахматова негативно отнеслась к этой публикации, причем ее особенно возмутило цитирование автором слов Вяч. Иванова: «Гумилев всю жизнь отряхивался от этого...»
- 7 *Ермилов В.В.* Гумилев // На литературном посту. 1927. № 10.
- 8 *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. С. 7.
- 9 *Лукницкая В.К.* Любовник, рыцарь, летописец. Еще три сенсации из Серебряного века. СПб., 2005. 342 с.
- 10 *Баканова И.В.* Литература как поведение // Литература. М., 2003. № 29 (500).
- 11 *Лукницкий П.Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. Р.: УМСА-Press, 1991. С. 10.
- 12 Там же. С. 68.
- 13 Там же. С. 28.
- 14 См. предисловие к книге: *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев... С. 3.

- 15 *Лукницкий С.П.* Есть много способов убить поэта... (Социально-правовое исследование). М., 2002. 142 с.
- 16 *Гумилев Н.С.* «Когда я был влюблен...» // Гумилев Н.С. Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избранная проза / Сост., вступ. ст. Л.А. Озерова. М., 1994 (Серия «Круг чтения: Школьная программа». Тираж – 50 000 экз.). 623 с.
- 17 Цит. по: *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев... С. 11.
- 18 *Лукницкий П.* У подножия смерти. В домашней библиотеке сохранилась книга с трогательной надписью автора: «Дорогой маме, чтоб знала, что и из такой истории я сумел ловко выкрутиться, и поэтому чтоб была спокойна, когда я странствую по Памиру. Самое хорошее в думах о родных, когда путешествуешь, – это уверенность в их спокойствии. С нежной любовью и с горячими пожеланиями хорошего здоровья – Павлик. 4 декабря 1931 г. Ленинград».
- 19 *Баканова И.* От озера Чад к Памирской гряде // Огонек. М., 2003. № 11 (4790). С. 48–49.
- 20 *Лукницкий П.* У подножия смерти... С. 21–22.
- 21 См.: Послесловие «О себе» // *Лукницкий П.* Ниссо (роман). Душанбе, 1966. С. 509.
- 22 Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публикация Р.Д. Тименчика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 10.
- 23 *Гумилев Н.* Стихи. Письма о русской поэзии / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова. М., 1989. С. 14.
- 24 *Лукницкий П.* Всадники и пешеходы. Л., 1933. С. 8.
- 25 В июне 1997 г. в Санкт-Петербурге вдова и сын П.Н. Лукницкого передали его архив в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Вещи из таджикской коллекции Лукницкого находятся в фондах Музея этнографии в Санкт-Петербурге (там же, где африканская коллекция Н.С. Гумилева). В 2006 г. (за год до своей кончины) В.К. Лукницкая передала часть военных фотографий и дневников П.Н. Лукницкого в Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на Поклонной горе в г. Москве).
- 26 *Лукницкий П.* Избранное. М.: Худ. лит., 1971. С. 4.
- 27 *Лукницкий П.Л.* Ленинград действует... Фронтовой дневник. М., 1971. С. 320.